

Информация для цитирования:

Махов В. Н., Василенко А. С., Чебуханова Л. В. Элементы восстановительного правосудия в уголовном судопроизводстве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 35. С. 107–121. DOI: 10.17072/1995-4190-2017-35-107-121.

Makhov V. N., Vasilenko A. S., Chebukhanova L. V. *Elementy vosstanovitel'nogo pravosudiya v ugovnom sudoproizvodstve* [Elements of Restorative Justice in Criminal Proceedings]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2017. Issue 35. Pp. 107–121. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2017-35-107-121.

УДК 343.1

DOI: 10.17072/1995-4190-2017-35-107-121

ЭЛЕМЕНТЫ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В. Н. Махов

Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
ORCID: 0000-0003-3728-6068
ResearcherID: M-3497-2016
e-mail: tatamimax@mail.ru

А. С. Василенко

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
ORCID: 0000-0003-4029-8502
ResearcherID: N-6839-2016
e-mail: kholoimova@mail.ru

Л. В. Чебуханова

Магистр права, экономист юридического института
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
ORCID: 0000-0001-5642-6674
ResearcherID: P-1966-2015
e-mail: l.chebukhanova@mail.ru

Введение: статья посвящена анализу опыта зарубежных, прежде всего англосаксонских, стран по вовлечению в сферу уголовного процесса авторитетных, квалифицированных представителей общественности, в разрешение конфликтов преступного характера под контролем суда путем медиации. В США и других странах англосаксонского права восстановительное правосудие дает хорошие результаты. Восстановительное правосудие видит в преступлении не только нарушение закона, но в первую очередь нарушение прав жертвы, считает, что преступление совершено не столько против общественного порядка и государства, сколько против личности. Восстановительное правосудие ставит своей целью не только наказать преступника и возместить ущерб, причиненный им жертве преступления, но и, в определенной мере, исправить преступника.

Общепризнанно, что лишение свободы не исправляет обвиняемого, а во многих случаях усугубляет пороки личности. Восстановительное правосудие позволяет избежать таких ошибок. Не случайно применение программ восстановительного правосудия, в том числе в уголовном процессе, рекомендовано рядом международно-правовых документов, прежде всего при разрешении уголовных дел в отношении несовершеннолетних. В нашей стране отношение к ювенальной юстиции неоднозначно. Но это обстоятельство не дает основания игнорировать зарубежный опыт США и других стран и поэтапно заимствовать элементы восстановительного правосудия, приемлемые для нашего уголовного процесса. **Цель:** проанализировать становление парадигмы восстановительного правосудия, а также сложившейся практики применения программ восстановительного правосудия в странах англосаксонского права, выявить положительный опыт и обосновать предложения по закреплению программ восстановительного правосудия в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации. **Методы:** при написании статьи использовались диалектический, исторический, сравнительно-правовой, системно-структурный и логико-юридический методы. **Результаты:** сделан вывод о необходимости законодательного закрепления возможности использования программы восстановительного правосудия в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Сделано предложение по внесению соответствующих изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Ключевые слова: восстановительное правосудие; ювенальная юстиция; медиация; семейные конференции; примирительная процедура; медиативное соглашение

ELEMENTS OF RESTORATIVE JUSTICE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

V. N. Makhov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russia
ORCID: 0000-0003-3728 -6068
ResearcherID: M-3497-2016
e-mail: tatamimax@mail.ru

A. S. Vasilenko

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russia
ORCID: 0000-0003-4029-8502
ResearcherID: N-6839-2016
e-mail: kholoimova@mail.ru

L. V. Chebukhanova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russia
ORCID: 0000-0001-5642-6674
ResearcherID: P-1966-2015
e-mail: l.chebukhanova@mail.ru

Introduction: *the article is aimed at the analysis of reputable and qualified public members involvement in the sphere of criminal proceedings and in the resolution of criminal conflicts through mediation under control of the court in foreign countries, especially those with the Anglo-Saxon law system. In the United States and other common law countries, restorative justice has demonstrated some good results. Restorative justice considers an offence not only as violation of the law, but primarily the victim's rights violation. It also sees it as a wrongdoing, stating that the offence was committed not so much against public order and the State, but as trespass to the person. Restorative justice is aimed not only at punishing the offender and compensating for damages caused to the victim, but also, to a certain extent, at the offender's correc-*

*tion. It is generally recognized that incarceration does not correct the accused, and it can aggravate the vices of the individual in many cases. Restorative justice is able to avoid such issues. Not accidentally, the application of restorative justice programs, including these in the criminal process, is recommended by a number of international legal norms, especially in resolution of criminal cases against minors. In our country, the attitude to juvenile justice is ambiguous. However, this circumstance does not give the grounds to ignore the practice of the USA and other countries and gradually implement the elements of restorative justice that are acceptable to our criminal procedure. **Purpose:** to analyze the formation of the restorative justice paradigm, as well as the current practice of restorative justice programs in the countries of the Anglo-Saxon legal system, to identify some positive practices and substantiate the proposals for the consolidation of restorative justice programs in criminal procedure of the Russian Federation. **Methods:** there were used the dialectical, historical, comparative legal, system-structural, and logical-legal methods. **Results:** It is concluded that there is necessity for legislative consolidation of the possibility of the restorative justice programs use in criminal procedure of the Russian Federation. It is proposed to introduce relevant amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.*

Keywords: restorative justice; juvenile justice; mediation; family conference; conciliation; mediated agreement

Формирование парадигмы восстановительного правосудия

В 1970 году американский процессуалист профессор Джон Гриффитс предложил новую концепцию уголовного процесса – «Модель семьи» [22, pp. 373–380] (восстановительное правосудие), которая стала противовесом не только взглядам Г. Пакера на его «двойную» концепцию, но и в определенном смысле состязательному началу в уголовном процессе США [11, с. 82; 12, с. 45]. Восстановительное правосудие придает особое значение равной заинтересованности в разрешении инцидента и жертв преступлений и преступников, и в то же время не делает акцента на важности принуждения. Она также стремится сосредоточиться на вреде, причиненном лицам и отношениям, а не на нарушении закона. Модель восстановительного правосудия включает в себя ряд программ для восстановления жертв преступлений, общества, и правонарушителей [29, pp. 38–41].

Восстановительное правосудие выделяет и американский ученый Бэйзмор Гордон в качестве одной из трех парадигм ювенальной юстиции [2, р. 76]. Первая парадигма – карательная, преследующая цель наказания в меру содеянного. В карательной парадигме в самой меньшей степени присутствуют цели реабилитации. Кроме того, эта парадигма расширяет значение формальной вражды сторон, определения виновного и соответствующих последствий в приговоре [20, р. 443].

На смену карательному подходу пришла парадигма индивидуализации обращения [2, с. 67] (*parens patriae*, или как ее называют в Европе – модель социальных услуг), в соответствии с которой наказание не является главной реакцией

на преступление, так как само преступление является «знаком нарушенных процессов социализации» [34; 35, р. 230]. С данной проблемой пытались бороться общественные организации, а затем и государственные и воспитательные учреждения, которых появлялось все больше, а работа становилась все менее эффективной в связи со все большей формализацией их деятельности.

В результате специалисты, принимающие решение в области ювенальной юстиции, оказались непоследовательными в осуществлении функции наказания и удовлетворении потребности общества в безопасности [32, 58; 31, р. 357; 25, р. 137–172]. Они зачастую маскировали наказание под индивидуализацию обращения, [28; 27, р. 127] смешивали цели наказания и обеспечения общественной безопасности и зачастую рассматривали применение санкций как альтернативу индивидуальному подходу, а не как основной компонент ювенальной юстиции [26, р. 159; 19, 18].

Кроме того, появлялись все новые нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность органов ювенальной юстиции, в которых уделялось меньше внимания реабилитации преступника, а полномочия органов уголовного преследования расширялись. Все это привело к тому, что применялись все более жесткие меры наказания, но никакой положительной тенденции в изменении уровня преступности не наблюдалось.

Общество постепенно возвращалось к мнению, что жестокое наказание – надлежащая реакция на преступление (что является основной идеей карательного подхода). Но время показало, что жестокость наказания также не дает желаемых положительных результатов. А модель

социальных услуг уже изжила себя и у большей части общества представлялась как реакция на преступление, выгодная только преступнику. Эта парадигма не несет в себе попытки донести до преступника, что он (или она) причинил ущерб кому-то, должен предпринять определенные действия для его возмещения, загладить свою вину и отвечать за последствия, связанные с ущербом, нанесенным этим преступлением.

Специалисты, изучающие функцию наказания, заметили, что существуют действенные способы заставить отвечать за совершенные преступления и реагировать на законные потребности общества. Причем эти способы нацелены на утверждение позитивных ценностей и доносят до сознания преступников, что они причинили зло другим людям и что криминальное поведение неприемлемо. Таким образом, общество пришло к восстановительному правосудию, т. е. к реализации третьей парадигмы.

Процесс смены парадигм легко проследить с точки зрения исторического развития уголовного процесса США, который формировался по примеру уголовного процесса Англии, со свойственным этому государству институтом частного обвинения, и, как следствие, вначале потерпевший в уголовном процессе США обладал широким кругом прав. К концу XVIII века в США публичное обвинение стало вытеснять частное, роль государства в системе уголовного правосудия значительно возросла. При этом роль потерпевшего при расследовании преступлений снизилась до такой степени, что к началу XIX века потерпевшему от преступления не предоставлялось права на возмещение вреда от лица, совершившего преступление в рамках уголовного процесса. Преступление стало рассматриваться как покушение не на конкретное лицо, а на общество в целом.

В XX веке вектор развития уголовного правосудия в США сместился в сторону обеспечения процессуальных прав обвиняемого, практически не обращалось внимания на нужды потерпевших от преступлений [8, с. 10; 9, с. 23]. С начала 70-х годов благодаря распространению идей восстановительного правосудия государство обратило внимание на жертву преступления в уголовном процессе США.

Восстановительное правосудие, в отличие от карательного подхода, видит в преступлении не только нарушение закона, но в первую очередь нарушение прав потерпевшего, считает, что преступление совершено не только против общественного порядка и государства, но, прежде всего, против жертвы. Восстановительное правосудие ставит основной целью принятие преступником ответственности за деяние,

возмещение вреда жертве, примирение преступника и жертвы, социальное восстановление преступника в обществе [2, с. 84].

Все убедительнее звучит вывод о несостоятельности карательного подхода к решению проблемы преступности. В последние десятилетия идея восстановительного правосудия вышла за пределы США и приобретает в мире все больший авторитет [5]. Во главу угла здесь ставится не наказание, а примирение правонарушителя с жертвой и возмещение ущерба [6, с. 43].

Первоначальный смысл парадигмы восстановительного правосудия, сама идея такой реакции на преступления берут начало из «традиции неюридизированного понимания справедливости, когда вразумление оступившихся или разрешение криминальных конфликтов осуществлялось в рамках небольших локальных общностей путем примирения или достижения соглашения между участниками на основе позитивных ценностей». Главная идея восстановительного правосудия не нова. К примеру, его основные принципы совместимы с традициями индейского, гавайского, канадского коренного населения, аборигенов в Австралии и маори в Новой Зеландии. Эти принципы также сопоставимы с ценностями, принятыми почти всеми мировыми религиями [33, pp. 4–5].

Как отмечает Л. В. Головкин, в 70-е годы XX века назрел кризис карательного подхода к решению проблемы преступности [3, с. 103]. В мире все больший авторитет завоевывает альтернативное – восстановительное – правосудие. Во главу угла здесь ставится не наказание, а примирение правонарушителя с жертвой и возмещение ущерба [6, с. 44].

Программы восстановительного правосудия, применяемые в уголовном судопроизводстве стран англосаксонского права

В штате Северная Каролина действует интересная программа медиации районного уголовного суда. Эта программа предусматривает посредничество в суде и *работает как альтернатива судебному следствию, но не уголовному процессу в целом*.

В Северной Каролине такая программа закреплена в нормах North Carolina General Statutes, а Верховным судом приняты Supreme Court Rules для реализации этих норм¹. В § 7A-38.3D(a) North Carolina General Statutes прямо сказано, что Генеральная Ассамблея считает внедрение посредничества в окружные уголов-

¹ Rules Implementing Mediation In Matters Pending In District Criminal Court. URL: http://www.aoc.state.nc.us/www/public/html/pdf/Dispute_Resolution/DistrictCriminalCourt.pdf (дата обращения: 01.12.2016).

ные суды деятельностью в интересах общества. Для этого в окружных судах организациями, практикующими программы восстановительного правосудия, создаются сертифицированные программы посредничества. Судьи и окружные прокуроры должны поощрять посреднические процедуры по любым уголовным делам, если они усматривают пользу от таких процедур.

Кроме указанных выше документов, в этом штате действуют «Правила осуществления посредничества по делам, находящимся на рассмотрении в окружном уголовном суде».

В соответствие с этими правилами, суд, руководствуясь внутренним убеждением и внешними факторами, такими как: готовность сторон принять участие в примирительной программе; отказ от судебного следствия не нарушит права третьих лиц, участвующих в процессе; возможность в этом, конкретном случае прекращения уголовного дела за примирением сторон и т. д., – может рекомендовать сторонам принять участие в этой программе.

При этом суд поощряет проведение медиации и достижение примирительного соглашения в кратчайшие сроки.

После того как материалы дела вместе с обвинительным документом поступили в суд, окружной прокурор (а иногда и судья) информирует стороны о возможности участия в программе медиации. Если жертва и преступник соглашаются принять участие в этой программе, то медиация может быть проведена прямо в здании суда. В случае если в деле участвуют несколько обвиняемых или несколько жертв, по усмотрению суда эти лица могут быть объединены для участия в медиации.

Если стороны согласились на участие в медиации, суд уведомляет их в устной или письменной форме о следующих условиях:

- 1) срок, отведенный судом на медиацию;
- 2) имя медиатора или название посреднической организации;
- 3) требование об уплате преступником пошлины в размере 60 долл. для осуществления посреднических услуг.

В § 7A-38.3D(m) North Carolina General Statutes сказано, что суд по своему усмотрению может разрешить третьему лицу совершить оплату пошлины или ее часть за преступника. А в § 7A-38.7(b) North Carolina General Statutes отмечается, что посредническая организация должна получить документальное подтверждение произведенной оплаты.

После этого суд передает материалы дела в посредническую организацию или определенному медиатору.

В Северной Каролине предусмотрено право сторон ходатайствовать перед судом или посреднической организацией о замене медиатора, что гарантирует защиту участников от возможного подкупа медиатора одной из сторон.

Если все стороны изъявили желание участвовать в примирительной процедуре и устранены все формальности, медиация может проходить в посреднической организации, в здании суда или в любом другом месте, о котором договорятся посредник и стороны [24].

До начала процедуры посредник обязан разъяснить сторонам этапы медиации, ее принципы, права и обязанности сторон и особенности примирительного соглашения.

В соответствии с «Правилами осуществления посредничества по делам, находящимся на рассмотрении в окружном уголовном суде», участники, согласившиеся на медиацию, должны физически присутствовать на примирительной процедуре. Но из этого правила есть исключение: по соглашению сторон и посредника или по решению суда лицу может быть разрешено участвовать в медиации по телефону или быть представленным своим адвокатом или представителем.

Вообще, «Правила осуществления посредничества по делам, находящимся на рассмотрении в окружном уголовном суде» разрешают присутствие на примирительной процедуре и участие в ней родителей и опекунов несовершеннолетних (в этом случае медиация становится похожа на семейную конференцию), адвоката стороны (разрешены консультации до, после и во время медиации, а также контроль за соблюдением достигнутых договоренностей) и третьим лицам (в этом случае медиация становится похожа на круги правосудия [16, pp. 315–318]), если посредник считает, что их присутствие поможет достижению целей медиации. Но посредник имеет право ограничить участие вышеперечисленных лиц в любой момент, как только посчитает, что их участие отрицательно влияет на процесс медиации.

Таким образом, закрепление в законодательстве штата именно медиации не означает, что посредник не может использовать другие техники восстановительного правосудия в процессе примирения сторон.

Сама примирительная процедура проходит в условиях конфиденциальности. Ранее указанные Правила содержат прямой запрет на осуществление стенографической, аудио- или видеозаписи любым участником медиации. Особо отмечено, что этот запрет распространяется на осуществление записи с согласия сторон.

Кроме этого, принципу конфиденциальности отвечает правило свидетельской привилегии, которой обладает посредник, в вопросах, касающихся проведенной медиации. Смысл этой привилегии сводится к следующему: если в результате медиации стороны не примирились и примирительное соглашение не заключено, уголовное дело возвращается в суд и продолжается обычный уголовный процесс. Здесь стоит сказать о том, что при направлении материалов из суда посреднику окружной прокурор приостанавливает уголовное судопроизводство по делу (N.C.G.S. § 7A-38.3D(b)). После возвращения уголовного дела в суд и возобновления процесса, в судебном заседании, в соответствии с North Carolina General Statutes § 7A-38.3D(k), медиатор не может быть принужден к даче показаний о проведенной примирительной процедуре или предоставлении доказательств, о которых ему стало известно в результате медиации.

Но и у этого правила есть ряд исключений. Посредник может обратиться в правоохранительные органы, в случае если ему становится известно о том, что какому-либо лицу или принадлежащему ему имуществу грозит опасность. Также медиатор может отступить от принципа конфиденциальности, если в процессе медиации он убедится в том, что взрослыми членами семьи нарушаются права несовершеннолетних. Кроме этого, суд может обязать посредника раскрыть доказательства, если суд приходит к выводу о том, что раскрытие этого доказательства необходимо для надлежащего отправления правосудия и у суда нет возможности получить доказательства из других источников (N.C.G.S. § 7A-38.3D(k)(4)).

Идеальным результатом медиации должно стать медиативное соглашение, содержащее все условия, о которых договорились стороны. При этом обязательным условием является письменная форма соглашения и наличие подписей обеих сторон. В Северной Каролине такое соглашение вступает в силу, **как только оно подписано сторонами**. В штате Айдахо к медиативному соглашению отнеслись более серьезно: **и для вступления в силу соглашение должно быть утверждено судом** (18.1(8)/12.1(8)).

На сегодняшний день Victim-Offender Mediation program получила распространение и за пределами Америки и теперь успешно работает в Канаде, Англии и Новой Зеландии, а также в других странах. Как правило, программу осуществляют частные некоммерческие или общественные организации, которые в своей работе тесно сотрудничают с местным судом [21].

Начиная с 70-х годов помимо медиации было запущено много программ, которые мы сей-

час можем назвать восстановительными. Вот некоторые из этих программ.

Группы семейных конференций (Family Group Conferencing). Эта программа основывается на многовековых традициях урегулирования споров племен маори в Новой Зеландии. Сегодня практика семейной конференции используется, как правило, если преступление совершено несовершеннолетним преступником.

В своей современной форме программа закреплена в национальном законодательстве Новой Зеландии в 1989 г. Таким образом, из всех рассматриваемых нами моделей примирения в уголовном процессе англосаксонских стран именно эта модель является наиболее детально урегулированной в нормативно-правовых актах.

Сейчас эта программа примирения используется также и в других странах: Австралии (в модифицированном виде), США, Канаде. В этих странах на семейные конференции могут быть направлены материалы по таким преступлениям, как кража, поджог, вандализм, преступления, связанные с наркотиками и некоторые другие. В Новой Зеландии – материалы о преступлениях любой тяжести, за исключением особо тяжких [17].

Эта модель восстановительного правосудия интересна тем, что процедура примирения полностью подконтрольна правоохранительным органам. В процессе примирения участвуют полицейские, они присутствуют на каждой встрече участников и обладают такими же правами, как и остальные. Кроме того, процесс контролируется судом по делам молодежи, который может признать подростка виновным и передать его дело в окружной суд для вынесения приговора. Таким образом, как справедливо отмечает Л. М. Карнозова, «найден необходимый баланс между общинными способами разрешения конфликта и необходимыми правовыми гарантиями, обеспеченными судом» [7, с. 229].

Семейные конференции имеют более широкий круг участников, чем Victim-Offender Mediation program. В семейных конференциях принимают участие преступник, члены его/ее семьи, жертва и члены ее/его семьи, адвокат по делам молодежи, офицер полиции. Созывает семейную конференцию координатор суда по делам молодежи [30].

Задача семейной конференции – составить план действий преступника по исправлению. Кроме этого, семейная конференция решает вопрос о необходимости применения судом каких-либо санкций.

Суд практически всегда принимает выработанный семейной конференцией план. Но суд может использовать широкий спектр санкций,

вплоть до лишения свободы сроком до 5 лет, даже если семейная конференция не рекомендовала их использование. Это особенно важно, когда установленный план исправления не выполняется. Таким образом, суд действует как «конечная остановка», если выполнение плана нарушается, и как «фильтр» для явно не удовлетворительных рекомендаций [10, с. 53].

Такая форма восстановительного правосудия является оптимальной для несовершеннолетних преступников из-за важной роли семьи в их жизни [30]. В Новой Зеландии в 1989 г. был принят Закон о малолетних, несовершеннолетних и их семьях, который официально закрепил эту процедуру примирения в законодательстве. Как уже говорилось выше, программа используется и в других англосаксонских странах, к примеру, в Австралийском штате Новом Южном Уэльсе эта процедура также законодательно закреплена Законом о несовершеннолетних правонарушителях 1997 г. Программа, которая используется в Новом Южном Уэльсе, положительно оценена Бюро статистики преступности и научных исследований Нового Южного Уэльса.

Программа семейных конференций может использоваться в отношении всех преступлений, совершенных подростками, хотя практически она применялась только в достаточно серьезных случаях (кроме тех, где закон не предусматривал возможность ее применения). Менее значительные дела разбирались на уровне полиции. Семейные конференции отличаются от рассмотренных выше Victim-Offender Mediation program и Victim-Offender Reconciliation Programs тем, что они вовлекают в обсуждение преступления большее число членов общества, признают более широкий круг пострадавших от преступления и делают акцент на участии представителей семьи правонарушителей [24; 37, pp. 137–145].

Программа семейных конференций впервые была представлена в 1991 г. в Австралии как часть инициатив полиции («Модель Вагга» проведения конференций в Новом Южном Уэльсе). Проводимые полицией конференции были также учреждены в Австралийской Столичной Территории. В других штатах и Северных Территориях конференции проводились на базе судебной системы. Данные конференции в области подростковой преступности были законодательно утверждены в 1993–1994 гг. в Южной и Западной Австралии. Конференции там созывали и проводили не представляющие полицию профессионалы. Позднее проведение конференций было законодательно утверждено в Новом Южном Уэльсе и Квинсленде (по делам несовершеннолетних правонарушителей); практика

конференций также используется в школах Квинсленда. Модель конференций получила свое развитие и в других странах, включая Канаду, США и Великобританию [23, p. 128].

Основы формирования восстановительного правосудия в Российской Федерации

Сегодня существует общемировая тенденция гуманизации уголовного законодательства и практики его применения. В нашем исследовании мы выяснили, что зарубежные государства (на основе анализа стран англосаксонского права) стремятся отойти от карательного, репрессивного уголовного судопроизводства. Основное направление таких государств – восстановительное правосудие.

В Российской Федерации первые лица государства неоднократно заявляли о том, что Россия также идет по пути гуманизации уголовного законодательства. Программы восстановительного правосудия уже используются в нашем уголовном процессе, не нарушая норм УПК РФ и ориентируясь на нормы международного права.

Начнем с того, что еще в 2004 г. в г. Таганроге Ростовской области был создан первый «модельный ювенальный суд». Затем, в 2005 и 2006 гг., были открыты еще два модельных ювенальных суда в г. Шахты. Модельные ювенальные суды могут находиться в отдельном здании, а могут занимать помещения в здании городского (или районного) суда. Отличительной особенностью таких судов является наличие отдельных помещений для работы психолога и для проведения примирительных процедур – «комнаты примирения». Зал судебных заседаний в таких судах не оборудован решетками, зато оснащен особой мебелью – полукруглым столом, за которым сидят участники процесса, в том числе и судья.

К особенностям формирующейся модели ювенальной системы в Ростовской области можно отнести активное использование элементов восстановительного правосудия, заключающегося в применении примирительных процедур, проводящихся с обоюдного согласия потерпевшего и несовершеннолетнего правонарушителя [36].

О результатах работы модельных ювенальных судов судьи Ростовской области периодически докладывают Президиуму Совета судей Российской Федерации. Позволим себе процитировать одно из постановлений Президиума ССРФ: «...Несмотря на отсутствие в России специального судостроительного законодательства о ювенальных судах, о результатах работы модельных ювенальных судов судьи Ро-

стовской области периодически докладывают Президиуму Совета судей Российской Федерации. Позволим себе процитировать одно из Постановлений Президиума ССРФ, которое в инициативном порядке формирует ее элементы в правоприменительной практике, способствуя совершенствованию судопроизводства по делам несовершеннолетних, повышению реабилитационного содержания судебных решений. Об эффективности *ювенальных технологий* свидетельствует существенное снижение рецидива преступлений несовершеннолетних.

Проведенное в 2008 году Верховным судом Российской Федерации обобщение практики внедрения *ювенальных технологий* в суды общей юрисдикции показало, что ювенальные технологии на региональном уровне создают предпосылки к организации действительно эффективной системы ювенальной юстиции в Российской Федерации. В целях повышения эффективности и качества правосудия в отношении несовершеннолетних необходимо принятие мер по обеспечению единообразия судебной практики применения ювенальных технологий в судопроизводстве в отношении несовершеннолетних, развитию механизмов взаимодействия судов с органами и службами системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, совершенствованию законодательства в этой сфере...»¹

В тексте мы не случайно выделили слова *ювенальные технологии*. Дело в том, что этот термин впервые употреблен Верховным судом Российской Федерации в «Справке о внедрении ювенальных технологий в суды общей юрисдикции» в 2008 г. Сегодня он довольно часто используется, несмотря на то, что, по утверждению рабочей группы при Совете судей РФ по созданию и развитию ювенальной юстиции в системе правосудия РФ, легального определения понятия «ювенальные технологии» нет.

В Справке по результатам обобщения информации судов субъектов РФ об использовании ювенальных технологий судами общей юрисдикции, указанная выше рабочая группа при Совете судей РФ пытается самостоятельно дать определение этому термину. Итак, согласно Справке, под ювенальными технологиями понимается особая организация правосудия в отношении несовершеннолетних в конфликте с уголовным законом, основанная на всестороннем знании возрастных особенностей несовер-

¹ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верхов. суда Рос. Федерации от 1 февр. 2011 г. № 1 // Рос. газ. 2011 г. 11 февр.

шеннолетних, *применении специальных восстановительных программ* (методов, способов), устраняющих дальнейшее возможное противоправное поведение несовершеннолетнего².

Примирительные процедуры восстановительного правосудия, а также частные постановления суда (именно таким образом в России оформляется индивидуальный план реабилитации несовершеннолетнего) являются элементами ювенальных технологий, и такие технологии применяются в судах 52 субъектов РФ³ аналогично тому, как это делается в исследуемых нами странах англосаксонского права.

Таким образом, мы наблюдаем становление восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних. Заметим, что в изученных странах медиация и другие программы восстановительного правосудия в первые годы применялись также только в отношении несовершеннолетних. И лишь затем опасения насчет того, что медиация не будет полноценно работать и достигать свои цели в отношении взрослых преступников были развеяны. Напомним, что на сегодняшний день в этих странах несовершеннолетние преступники тоже могут принимать участие в медиации.

Обзор российской практики применения элементов восстановительного правосудия в уголовном судопроизводстве

В случае использования программ восстановительного правосудия, осуществляемых в рамках ювенальных технологий, досудебные стадии остаются неизменными. После получения информации о преступлении и ее проверки возбуждается уголовное дело, при наличии повода и основания. Проводится предварительное расследование, и затем уголовное дело направляется в суд.

А вот в суде уже возможно изменение обычного хода процесса. В связи с отсутствием законодательного закрепления восстановительных программ (которые являются неотъемлемой частью ювенальных технологий) четкого алгоритма действий у суда, применяющего такие практики к несовершеннолетним, нет, поэтому в каждом суде процедура имеет свои традиционно сложившиеся особенности. Но в целом, обобщая практику применения восстановитель-

² Справка по результатам обобщения информации судов субъектов Российской Федерации об использовании ювенальных технологий судами общей юрисдикции, подготовленная рабочей группой при Совете судей Российской Федерации по созданию и развитию ювенальной юстиции в системе правосудия РФ. URL: http://www.juvenilejustice.ru/documents/rabgr/monit_reg/monreg (дата обращения: 01.12.2016).

³ Там же.

ных программ (как части ювенальных технологий), можно выявить определенную, общую для всех последовательность действий.

Как правило, в судах, применяющих ювенальные технологии, созданы должности помощников судей с функциями социального работника (или с функциями социального педагога) работающих вместе с судьями, рассматривающими исключительно дела несовершеннолетних.

При поступлении уголовного дела в суд именно эти помощники составляют «Карту социально-психологического сопровождения», в которой указываются все имеющиеся данные о личности несовершеннолетнего. Если в штате такая должность отсутствует, суд поручает составить доклад о личности или карту социального сопровождения какому-либо специалисту системы профилактики (как правило, психологу или социальному работнику органов соцзащиты)¹.

В карту вносятся данные полученные в ходе беседы с подростком, его родителями, данные о личности, полученные из КДН, с места учебы, от соседей, данные, полученные в результате тестирования, проведенного с несовершеннолетним [15].

Карта или доклад о личности не является доказательством, в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РФ, но изложенная в ней информация исследуется судом в судебном разбирательстве. Нередко составители такого документа привлекаются к допросу в качестве специалиста. Таким образом, информация, изложенная в карте, приобретает доказательственное значение, а сама карта (или доклад) приобщается к материалам дела. Делается это в соответствии с законом, а именно со ст. 73, 74, 84 УПК РФ, так как такая карта является «иным документом», содержащим сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого.

Затем помощник судьи направляет необходимые материалы (заявку на проведение примирительной процедуры, карту социального сопровождения и т. д.) в Муниципальную службу примирения и Комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав (к примеру, так происходит в Пермском крае). Одновременно с этим помощник направляет информационные письма потерпевшему и обвиняемому или их законным представителям. В этом письме сообщается о том, что суд, в который поступило уголовное дело, сотрудничает со службой при-

мирения (или примирительной комиссией и т. д.), в которую направлена информация о поступившем в суд деле. Сделано это для того, чтобы помочь сторонам прийти к согласию относительно возмещения причиненного вреда. Стороны извещаются в письме о том, что сотрудники службы примирения предложат провести встречу сторон. В некоторых регионах такое письмо направляется сторонам за подписью председателя районного суда.

Если стороны соглашаются на примирительную встречу, сотрудник службы примирения (ведущий) анализирует всю имеющуюся информацию и выбирает тип восстановительной программы. Затем проводятся предварительные встречи, после этого примирительная встреча, которая, в идеале, должна закончиться заключением договора. Затем ведущий составляет отчет о результатах восстановительной программы и направляет его в суд и КДНиЗП. Суд должен получить этот отчет не позднее чем за 3 дня до судебного разбирательства [13, с. 31].

В Москве сложилась похожая практика. При поступлении в один из районных судов г. Москвы материалов уголовного дела в отношении несовершеннолетнего судья по собственной инициативе, руководствуясь своим внутренним убеждением, основанном на международных принципах о медиации и восстановительном правосудии, может направить информацию о поступившем деле в центр «Перекресток». Специалисты этого центра в своей работе «...делают основной акцент на программах восстановительного правосудия...» [14]. Специалист центра изучает и анализирует полученную информацию и, если это возможно, организует предварительные встречи сначала с обвиняемым и его законным представителем, затем с потерпевшим. После этого проводится совместная встреча, по результатам которой стороны могут заключить договор о примирении сторон.

Далее этот договор вместе с заключением специалиста направляется в суд. Суд приобщает эти документы к уголовному делу и учитывает участие в программах восстановительного правосудия в качестве смягчающего обстоятельства.

В практике сотрудничества центра «Перекресток» с судом были случаи, когда потерпевший после проведенной встречи заявлял ходатайство о прекращении уголовного дела за примирением сторон. И суд, руководствуясь статьями 25 УПК РФ и 76 УК РФ, прекращал уголовное дело в связи с примирением сторон.

Так, медиатор центра работал с семнадцатилетним Юрием, совершившим покушение на неправомерное завладение автомобилем (ч. 3

¹ *Справка* по результатам обобщения информации судов субъектов РФ об использовании ювенальных технологий судами общей юрисдикции...

ст. 30, ч. 1 ст. 166 УК РФ). Заметим, что это преступление средней тяжести. При этом Юрий дважды пытался совершить преступление, но в обоих случаях ему это не удавалось по независящим от него причинам. В первый раз Юрию удалось скрыться, во второй раз он был задержан. Потерпевшими были признаны 2 человека.

Когда медиатор попытался связаться с потерпевшими и предложить участие в восстановительной программе, согласился только один потерпевший. Второй отказался от участия. В итоге полноценная медиация состоялась только между обвиняемым и одним потерпевшим.

Но уже в суде Юрий принес извинения второму потерпевшему, который, приняв их, отказался от требования о возмещении причиненного вреда, посчитав вред незначительным. Оба потерпевших ходатайствовали перед судом о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон. Суд удовлетворил ходатайства и прекратил уголовное дело [1, с. 38–43].

В Ростовской области практика сложилась иначе и всю подготовительную работу выполняет помощник судьи с функциями социального работника. Он собирает о несовершеннолетнем подсудимом всю необходимую информацию, характеризующую его личность и условия жизни. Помощник судьи совместно с органами и учреждениями государственной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних проводит социально-психологическое обследование подсудимого и всю полученную информацию заносит в карту социального сопровождения или отчет для суда. Помощник проводит примирительные процедуры и по их результатам готовит суду соответствующие рекомендации [15].

В Ивановской области «...судья при подготовке уголовного дела в отношении несовершеннолетнего обвиняемого к рассмотрению направляет в Комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав постановление о проведении социально-психологического исследования личности подростка, подготовке предложений о возможности применения судом воспитательных и реабилитационных мер вместо карательных и репрессивных, о применении мер по социальной адаптации несовершеннолетнего, находящегося в конфликте с законом, а также о содействии взаимодействию суда со всеми органами профилактики и общественными организациями...» Это постановление попадает к психологу, который собирает и обобщает информацию о социальном статусе несовершеннолетнего и условиях его жизни и воспитания, а также устанавливает контакт с несовершеннолетним и его родителями (представите-

лями). После этого вся полученная информация отражается в карте социально-психологического сопровождения. Затем психолог решает вопрос о возможности и необходимости проведения восстановительных программ. И если находит это возможным, «...психолог организует примирительную встречу на заседании примирительной комиссии с участием несовершеннолетнего подсудимого, его родителей, законных представителей, потерпевшего, которая дает возможность правонарушителю принять ответственность за содеянное, возместить причиненный потерпевшему вред, а потерпевшему – обрести поддержку, чувство безопасности, получить компенсацию материального и морального ущерба. Встреча обвиняемого и потерпевшего проводится только в случае соблюдения необходимых условий: признания обвиняемым участия в криминальной ситуации; его готовности загладить вред, причиненный его действиями; готовности потерпевшего к встрече с обвиняемым. Общим условием восстановительных программ является добровольность участия сторон, которая выясняется психологом на доверительных встречах...»

Если стороны примирятся, они заключают договор, в котором оговариваются условия примирительного соглашения, затем этот договор направляется в суд, где приобщается к материалам уголовного дела и оглашается в судебном заседании. Психолог участвует в суде в качестве специалиста. А уже после окончания судопроизводства Координационный совет по развитию ювенальной юстиции следит за соблюдением договора, заключенного сторонами¹.

Описывая практику восстановительных программ в российском уголовном процессе, мы рассматриваем идеальный вариант – стороны согласны на проведение примирительной встречи. Но так происходит не всегда.

Справедливости ради необходимо заметить, что время от времени, медиатор сталкивается с такой проблемой, когда, например, преступник искренне желает принять участие в медиации, загладить причиненный вред и примириться с жертвой, причем это не обязательно вызвано желанием избежать уголовной ответственности, а жертва категорически отказывается от участия в примирительной процедуре.

Независимо от того, кто проводит примирительные встречи, вся отчетная документация всегда попадает к судье, рассматривающему уголовное дело. Стоит отметить, что, даже если

¹ *Справка* по результатам обобщения информации судов субъектов Российской Федерации об использовании ювенальных технологий судами общей юрисдикции...

стороны примирились и обвиняемый возместил причиненный вред, судебного разбирательства сторонам не избежать. **Таким образом, не нарушается принцип осуществления правосудия только судом.**

Как уже говорилось ранее, суд вправе приобщить к материалам дела всю отчетную документацию, полученную после проведения процедуры примирения или документы, содержащие информацию о проведении программы восстановительного правосудия. В разных регионах сложилась разная практика, и документы также называются по-разному. Это могут быть доклад суду о личности или карта социального сопровождения, которые готовятся с момента поступления дела в суд помощником судьи, секретарем судебного заседания или психологом, входящим в штат суда. Также, в зависимости от региона, эти документы могут изучаться в судебном заседании в виде материалов, характеризующих личность подсудимого. Иногда сведения из таких документов оглашаются тем, кто составил эти документы в ходе его допроса в качестве специалиста в суде. В этом случае полученные показания заносятся в протокол судебного заседания, а указанные документы хранятся при уголовном деле¹.

В Пермском крае составляется социальное досье на несовершеннолетнего подсудимого, к которому может быть приложен и примирительный договор, заключенный в результате восстановительной программы. Это досье составляет помощник судьи.

В результате окончательное решение по делу принимает суд, который по собственному внутреннему убеждению оценивает предоставленную информацию. Анализируя постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», профессор А. В. Гриненко справедливо обратил внимание на указание Пленума в каждом случае обсуждать вопрос о возможности применения к несовершеннолетнему положений статей 75–78 УК РФ (в том числе о примирении с потерпевшим по делам небольшой и средней тяжести) и статей 24–28 УПК РФ об освобождении от уголовной ответственности [4, с. 11]. Таким образом, высшие судебные инстанции, а также члены судейского сообщества призывают судей уделять больше

внимания возможности освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности. Полагаем, что законодательное закрепление восстановительных программ поспособствует реализации таких рекомендаций, но освобождение от ответственности будет сопряжено с крайне важной восстановительной работой в отношении несовершеннолетнего.

По сложившейся практике судебное решение может содержать индивидуальный план реабилитации конкретного несовершеннолетнего (позволим себе отметить сходство с Новозеландскими семейными конференциями, в результате которых обязательно составляется план действий преступника по исправлению, утверждаемый затем судом), которое принимается в форме частного постановления суда (ч. 4 ст. 29 УПК Российской Федерации) – как основание проведения индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними органами и службами системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (индивидуальной программы реабилитации несовершеннолетнего в соответствии со статьей 6 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»).

Заключение

Итак, в данном исследовании проанализирована практика применения элементов программ восстановительного правосудия, существующая в настоящее время в Российской Федерации. Выявлена назревшая необходимость правового закрепления возможности применения программ восстановительного правосудия в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. При этом использование таких программ является наиболее разумным шагом тогда, когда по уголовному делу уже собрана доказательственная база. Это даст возможность участникам уголовного процесса избежать целого ряда проблем, которые могут возникнуть в случае, если стороны согласятся на медиацию, а она окажется безуспешной. Таким образом, предлагаем применять восстановительные программы только в судебных стадиях.

Суд в этой ситуации, чтобы быть независимым и объективным, нуждается в содействии объективного профессионально подготовленного посредника, назначением которого является деятельность по достижению примирения сторон. Видится необходимым принятие следующей редакцией 25 УПК Российской Федерации о примирении сторон: «Суд вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в от-

¹ Дети в конфликте с законом: аналит. обзор // Регион. Ассоциация специалистов по поддержке судебно-правовой реформы и ювенальной юстиции в Ростовской обл. Ростов н/Д., 2010. URL: <https://refdb.ru/look/2407458-pall.html> (дата обращения: 01.12.2016).

ношении лица, обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации, если при содействии независимого, беспристрастного, профессионально подготовленного посредника, уполномоченного судом, это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред либо с этой целью составлено соглашение в результате примирительной процедуры».

Библиографический список

1. Балаева А. В., Женодарова Е. Д., Карнозова Л. М. Основы гуманитарной компетентности судьи, рассматривающего уголовные дела в отношении несовершеннолетних: метод. пособие / под ред. Л. М. Карнозовой. М.: ООО «Акварель», 2011. 174 с.
2. Бэйзмор Г. Три парадигмы ювенальной юстиции // Правосудие по делам несовершеннолетних: перспективы развития. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999. Вып. 1. С. 67–99.
3. Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном английском праве // Правоведение. 1998. № 3. С. 101–103.
4. Гриненко А. В. Влияние гуманизации уголовного законодательства Российской Федерации на уголовное судопроизводство // Судья. 2011. № 7. С. 10–13.
5. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 1998. URL: <http://sprc.ru/wp-content/uploads/2012/08/Зер-Х.-Восстановительное-правосудие.pdf> (дата обращения: 01.12.2016).
6. Карнозова Л., Максудов Р., Флямер М. Восстановительное правосудие: идеи и перспективы для России // Российская юстиция. 2000. № 11. С. 42–44.
7. Карнозова Л. М. Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа. М.: Р. Валент, 2010. 480 с.
8. Кухта К. И., Махов В. Н. Правовой статус жертвы преступления (потерпевшего) в уголовном процессе США. М.: Юрлитинформ, 2008. 216 с.
9. Кухта К. И. Правовой статус жертвы преступления (потерпевшего) в уголовном процессе США: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 23 с.
10. Макэлри Ф. Новозеландская модель семейных конференций // Правосудие по делам несовершеннолетних: Мировая мозаика и перспективы в России: в 2 кн. / под ред. М. Г. Флямера. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2000. Кн. 1. С. 40–71.
11. Махов В. Н., Пеишков М. А. «Состязательность» моделей уголовного процесса США // Государство и право. 1999. № 12. С. 81–87.
12. Махов В. Н., Пеишков М. А. Юристы США о моделях уголовного процесса. // Следователь (федеральное издание). 1999. № 6. С. 38–48.
13. Покровская В. Л. Внедрение восстановительных технологий в деятельность субъектов профилактики Пермского края: метод. материалы АНО «Центр социально-психологической помощи населению». Пермь, 2009. С. 30–34.
14. Работа с правонарушениями несовершеннолетних. URL: http://www.perekrestok.info/index.php?option=com_content&view=article&id=224&Itemid=224 (дата обращения: 01.06.2016).
15. Ткачев В. Н. Опытная модель ювенальной юстиции в Ростовской области и ее распространение в регионах России. URL: http://www.rostoblsud.ru/to_3524582 (дата обращения: 01.12.2016).
16. Bazemore G., Schiff M. Community Justice/Restorative Justice: Prospects for a New Social Ecology for Community Corrections // International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice. 1996. Issue 20(2). P. 311–334.
17. Bazemore G., Umbreit M. A Comparison of Four Restorative Conferencing Models. U.S. Department of Justice Office of Justice Programs Office of Juvenile Justice and Delinquency Prevention. February 2001. URL: <https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/ojjdp/184738.pdf> (дата обращения 01.12.2016).
18. Bazemore G., Umbreit M. Rethinking the Sanctioning Function In Juvenile Court: Retribution or Restorative Responses to Youth Crime // Crime and Delinquency. 1995. Issue 41(3). URL: https://www.researchgate.net/publication/249718602_Rethinking_the_Sanctioning_Function_in_Juvenile_Court_Retributive_or_Restorative_Response_to_Youth_Crime (дата обращения: 01.12.2016).
19. Braithwaite J. Restorative Justice & Responsive Regulation. 2002. Oxford University Press, at 249. URL: <http://johnbraithwaite.com/wp-content/uploads/2016/06/Restorative-Justice-and-Respon.pdf> (дата обращения: 01.12.2016).
20. Feld B. The Punitive Juvenile Court and the Quality of Procedural Justice: Disjunctions between Rhetoric and Reality // Crime & Delinquency 1990. Issue 36. Pp. 443–466.
21. Gehm J. R. Victim-Offender Mediation Programs: An Exploration of Practice and Theoretical Frameworks // Western Criminology Re-

- view. 1998. Issue 1(1). URL: <http://wcr.sonoma.edu/v1n1/gehm.html>. (дата обращения: 01.06.2016)
22. *Griffiths J.* Ideology in Criminal Procedure or a Third «Model» of the Criminal Process // *Yale Law Journal*. 1970. Vol. 79. P. 359–417.
 23. *Hudson J., Morris A., Maxwell G., Galaway B.* Family Group Conferences: Perspectives on Policy and Practice. Monsey, N. Y.: Criminal Justice Press, 1996. 240 p.
 24. *Maxwell G., Morris A.* Family, Victims and Culture: Youth Justice in New Zealand. Wellington, NZ: Social Policy. 1993. URL: <https://www.ms.govt.nz/documents/about-msd-and-our-work/publications-resources/archive/1993-family-victims-and-culture.pdf> (дата обращения: 01.06.2016).
 25. *McAnany P. D., Thompson D., Fogel D.* Probation and Justice: Reconsideration of Mission. Cambridge, MA: Oelgeschlager, Gunn & Hain, 1984. 408 p.
 26. *Melton G.* Taking Gault Seriously: Toward a New Juvenile Court // *Nebraska Law Review*. 1989. Issue 68, P. 146–181.
 27. *Miller J.* Lost One Over the Wall; The Massachusetts Experiment in Closing Reform Schools. Columbus, OH: Ohio State University Press, 1991. 279 p.
 28. *Restorative Justice*. URL <http://www.answers.com/topic/restorative-justice> (дата обращения: 01.03.2013).
 29. *Restorative Justice: How it Works* / Marian Liebmann. Publisher: Jessica Kingsley Publishers. 15 April 2007. P. 472.
 30. *Restorative Justice: the Government's Strategy July 2003*. Response by Victim Support. URL: http://www.restorativejustice.org.uk/assets/_ugc/fetch.php?file=c3kp_Restorative_justice_the_governments_strategy_response_of_victim_support.pdf (дата обращения: 01.06.2016).
 31. *Rothman D.* Conscience and Convenience // *The Asylum and its Alternatives in Progressive America*. N. Y.: HarperCollins, 1980. 469 p.
 32. *Schneider A.* Deterrence and Juvenile Crime: Results from a National Policy Experiment. N. Y.: Springer-Verlag, 1990. 127 p.
 33. *Umbreit M., Zehr H.* Agency and Institute of Criminology, Victoria University of Wellington. Family Group Conferences: A Challenge to Victim-Offender Mediation? // *VOMA Quarterly*. 1995–1996. Issue 7. P. 4–8.
 34. *Umbreit M. S.* Restorative Justice Through Victim-Offender Mediation: A Multi-Site Assessment // *Western Criminology Review*. 1998. URL: <http://wcr.sonoma.edu/v1n1/umbreit.html> (дата обращения: 01.03.2013).
 35. *Walgrave L.* Restorative Justice for Juveniles: Just a Technique or a Fully Fledged Alternative? // *Howard Journal of Criminal Justice*. 1995. Issue 34(3). Pp. 228–249.
 36. *Whyt J.* How Do You Mediate a Criminal Case? // *The American Bar Association Criminal Justice Section Newsletter*. Vol. 15. Issue 1. Fall 2006. URL: http://www.americanbar.org/content/dam/aba/publishing/criminal_justice_section_newsletter/crimjust_newsletterfall2006.auth_checkdam.pdf (дата обращения: 01.06.2016).
 37. *Zehr H.* Changing Lenses: A New Focus for Crime and Justice. Scottsdale, PA: Herald Press, 1990. 271 p.

References

1. *Balaeva A. V., Zhenodarova E. D., Karnozova L. M.* *Osnovy gumanitarной kompetentnosti sud'i, rassmatrivayushchego ugovnyye dela v otnoshenii nesovershennoletnikh: Metodicheskoe posobie* [The Basis of the Humanitarian Competence of a Judge Dealing with Criminal Cases against Minors: Tutorial]. Moscow, 2011. 174 p. (In Russ.).
2. *Bazemore G.* *Tri paradigmy yuvenal'noy yustitsii – Pravosudie po delam nesovershennoletnikh: Perspektivy razvitiya* [Three Paradigms of Juvenile Justice – Juvenile Justice: Prospects for Development]. Issue 1. Moscow, 1999. Pp. 67–99. (In Russ.).
3. *Golovko L. V.* *Al'ternativy ugovnomu presledovaniyu v sovremennom angliyskom prave* [Alternatives to Prosecution in the Contemporary English Law]. *Pravovedenie – Pravovedenie*. 1998. Issue 3. Pp. 101–103 (In Russ.).
4. *Grinenko A. V.* *Vliyanie gumanizatsii ugovnogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii na ugovnoe sudoproizvodstvo* [The Impact of Humanization of Criminal Legislation of the Russian Federation on Criminal Justice]. *Sud'ya – Judge*. 2011. Issue 7. Pp. 10–13. (In Russ.).
5. *Zehr H.* *Vosstanovitel'noe pravosudie: novyy vzglyad na prestuplenie i nakazanie* [Changing Lenses: a New Focus for Crime and Justice]. Moscow, 1998. Available at: <http://sprc.ru/wp-content/uploads/2012/08/Зер-Х.-Восстановительное-правосудие.pdf> (accessed 01.12.2016). (In Russ.).
6. *Karnozova L., Maksudov R., Flyamer M.* *Vosstanovitel'noe pravosudie: idei i perspektivy dlya Rossii* [Restorative Justice: Ideas and Prospects for Russia]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 2000. Issue 11. Pp. 42–44. (In Russ.).
7. *Karnozova L. M.* *Ugovnaya yustitsiya i grazhdanskoe obshchestvo. Opyt paradigmal'nogo analiza* [Criminal Justice and Civil Society.

- The Experience of Paradigmatic Analysis]. Moscow, 2010. 480 p. (In Russ.).
8. Kukhta K. I., Makhov V. N. *Pravovoy status zhertvy prestupleniya (poterpevshego) v ugovnom protsesse SShA* [The Legal Status of the Victim in the Criminal Process in the USA]. Moscow, 2008. 216 p. (In Russ.).
 9. Kukhta K. I. *Pravovoy status zhertvy prestupleniya (poterpevshego) v ugovnom protsesse SShA: avtoref. diss. kand. jurid. nauk* [The Legal Status of the Victim in the Criminal Process in the USA: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2006. 23 p. (In Russ.).
 10. McElrea F. W. D. *Novozelandskaya model' semeynykh konferentsiy. Pravosudie po delam nesovershennoletnikh: Mirovaya mozaika i perspektivy v Rossii* [The New Zealand Model of Family Group Conferencing – Juvenile Justice: Global Mosaic and Prospects in Russia]. Vol. 2. Moscow, 2000. Pp. 40–71. (In Russ.).
 11. Makhov V. N., Peshkov M. A. “Sostyazatel'nost'” modeley ugovnogo protsessa SShA [“Contentiousness” of the Models of the USA Criminal Process]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 1999. Issue 12. Pp. 81–87. (In Russ.).
 12. Makhov V. N., Peshkov M. A. *Yuristy SShA o modelyakh ugovnogo protsessa* [USA Lawyers about Models of the Criminal Process]. *Sledovatel' (federal'noe izdanie) – Investigator (Federal Edition)*. 1999. Issue 6. Pp. 38–48. (In Russ.).
 13. Pokrovskaya V. L. *Vnedrenie vosstanovitel'nykh tekhnologiy v deyatel'nost' sub"ektiv profilaktiki Permskogo kraia: Metodicheskie materialy* [Implementing Reconstructive Technologies in the Activity of the Subjects of Prevention in the Perm Region: Educational materials]. Perm, 2009. Pp. 30–34. (In Russ.).
 14. *Rabota s pravonarusheniyami nesovershennoletnikh* [The Work with Juvenile Delinquency]. Available at: http://www.perekrestok.info/index.php?option=com_content&view=article&id=224&Itemid=224 (accessed 01.12.2016). (In Russ.).
 15. Tkachev V. N. *Opytnaya model' yuvenal'noy yustitsii v Rostovskoy oblasti i ee rasprostranenie v regionakh Rossii* [The Experimental Model of Juvenile Justice in the Rostov Region and its Distribution in the Regions of Russia]. Available at: http://www.rostobsud.ru/to_3524582 (accessed 01.12.2016). (In Russ.).
 16. Bazemore G., Schiff M. Community Justice. Restorative Justice: Prospects for a New Social Ecology for Community Corrections. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*. 1996. Issue 20(2). Pp. 311–334. (In Eng.).
 17. Bazemore G., Umbreit M. Rethinking the Sanctioning Function in Juvenile Court: Retribution or Restorative Responses to Youth Crime. *Crime and Delinquency*. 1995. Issue 41(3). Available at: https://www.researchgate.net/publication/249718602_Rethinking_the_Sanctioning_Function_in_Juvenile_Court_Retributive_or_Restorative_Response_to_Youth_Crime (accessed 01.12.2016). (In Eng.).
 18. Bazemore G., Umbreit M. A Comparison of Four Restorative Conferencing Models. U.S. Department of Justice Office of Justice Programs Office of Juvenile Justice and Delinquency Prevention. February 2001. Available at: <https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/ojdp/184738.pdf> (accessed 01.12.2016) (In Eng.).
 19. Braithwaite J. *Restorative Justice & Responsive Regulation*. 2002. Oxford University Press, at 249. Available at: <http://johnbraithwaite.com/wp-content/uploads/2016/06/Restorative-Justice-and-Respon.pdf> (accessed 01.12.2016). (In Eng.).
 20. Feld B. The Punitive Juvenile Court and the Quality of Procedural Justice: Disjunctions between Rhetoric and Reality. *Crime & Delinquency*. 1990. Issue 36. Pp. 443–466 (In Eng.).
 21. Gehm J. R. Victim-Offender Mediation Programs: An Exploration of Practice and Theoretical Frameworks. *Western Criminology Review*. 1998. Issue 1(1). Available at: <http://wcr.sonom.edu/v1n1/gehm.html>. (accessed 01.06.2016). (In Eng.).
 22. Griffiths J. Ideology in Criminal Procedure or a Third «Model» of the Criminal Process. *The Yale Law Journal*. 1970. Vol. 79. Pp. 359–417. (In Eng.).
 23. Hudson J., Morris A., Maxwell G., Galaway B. *Family Group Conferences: Perspectives on Policy and Practice*. Monsey, NY: Criminal Justice Press. 1996. 240 p. (In Eng.).
 24. Maxwell G., Morris A. *Family, Victims and Culture: Youth Justice in New Zealand*. Wellington, NZ: Social Policy, 1993. Available at: <https://www.msd.govt.nz/documents/about-msd-and-our-work/publications-resources/archive/1993-family-victims-and-culture.pdf> (accessed 01.06.2016). (In Eng.).
 25. McAnany P. D., Thompson D., Fogel D. *Probation and Justice: Reconsideration of Mission*. Cambridge, MA: Oelgeschlager, Gunn & Hain, 1984. 408 p. (In Eng.).
 26. Melton G. Taking Gault Seriously: Toward a New Juvenile Court. *Nebraska Law Review*. 1989. Issue 68. Pp. 146–181. (In Eng.).
 27. Miller J. *Lost One Over the Wall; The Massachusetts Experiment in Closing Reform Schools*. Columbus, OH: Ohio State University Press, 1991. 279 p. (In Eng.).

28. *Restorative Justice: How it Works* / Marian Liebmann. Publisher: Jessica Kingsley Publishers. 15 April 2007. 472 p. (In Eng.).
29. *Restorative Justice: the Government's Strategy* July 2003. Response by Victim Support. Available at: http://www.restorativejustice.org.uk/assets/_ugc/fetch.php?file=c3kp_Restorative_justice_the_governments_strategy_response_of_victim_support.pdf (accessed 01.06.2016). (In Eng.).
30. *Restorative Justice*. Available at: <http://www.answers.com/topic/restorative-justice> (accessed 01.03.2013). (In Eng.).
31. *Rothman D.* Conscience and Convenience; The Asylum and its Alternatives in Progressive America. New York: HarperCollins, 1980. 469 p. (In Eng.).
32. *Schneider A.* Deterrence and Juvenile Crime: Results from a National Policy Experiment. New York: Springer-Verlag, 1990. 127 p. (In Eng.).
33. *Umbreit M., Zehr H.* Agency and Institute of Criminology, Victoria University of Wellington. Family Group Conferences: A Challenge to Victim-Offender Mediation? VOMA Quarterly. Issue 7. 1995–1996. Pp. 4–8. (In Eng.).
34. *Umbreit M. S.* Restorative Justice through Victim-Offender Mediation: A Multi-Site Assessment. *Western Criminology Review*. 1998. Issue 1(1). Available at: <http://wcr.sonoma.edu/v1n1/umbreit.html> (accessed 01.03.2013). (In Eng.).
35. *Walgrave L.* Restorative Justice for Juveniles: Just a Technique or a Fully Fledged Alternative? *Howard Journal of Criminal Justice*. 1995. Issue 34(3). Pp. 228–249. (In Eng.).
36. *Whyt J.* How Do You Mediate a Criminal Case? *The American Bar Association Criminal Justice Section Newsletter*. Vol. 15. Issue 1. Fall 2006. Available at: http://www.americanbar.org/content/dam/aba/publishing/criminal_justice_section_newsletter/crimjust_newsletterfall2006.authcheckdam.pdf (accessed 01.06.2016). (In Eng.).
37. *Zehr H.* Changing Lenses: A New Focus for Crime and Justice. Scottsdale, PA: Herald Press, 1990. 271 p. (In Eng.).